

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	7
Глава 1. ГЕНЕРАЛИССИМУС, МАРШАЛЫ И «ВИНТИКИ».....	13
Парад Победы.....	13
Военные и власть.....	17
Победа.....	24
Поражение победителей. Генералы.....	30
«Дело авиаторов».....	32
Охота на маршала Жукова.....	35
Генеральские разговоры.....	38
Дело маршала Жукова (Продолжение).....	40
Дело адмиралов.....	43
Экономика СССР после войны.....	44
Колхозная деревня.....	47
Денежная реформа и отмена продовольственных карточек.....	54
«Холодная война».....	55
В окружении вождя. Опала Г. М. Маленкова.....	66
Дела и смерть А. А. Жданова.....	69
Ленинградская «антипартийная группа».....	74
Н. С. Хрущев.....	78
А. П. Берия.....	80
Государственный антисемитизм.....	82
Разгром Министерства государственной безопасности.....	85
Дело врачей и МГБ.....	92
Глава 2. МЕДЛЕННО ТАЮЩИЙ ЛЕД (март 1953 – конец 1957 гг.).....	103
Смерть И. В. Сталина.....	103
Реформы А. П. Берии и пересмотр послевоенных политических процессов.....	108
Крушение А. П. Берии.....	116
Реакция в стране на устранение А. П. Берии.....	127
Министерство внутренних дел. Взгляд изнутри.....	130
Изменения в политическом сознании.....	132
Матч Ботвинник – Пospelов.....	134
Накануне XX съезда КПСС.....	137
«Секретный доклад».....	139
Доклад и советское общество.....	146

Роль ЦК КПСС в возникновении оппозиционных настроений в стране	148
XX съезд и социалистический лагерь	152
Политические итоги 1956 года	161
Последняя антипартийная группа.....	166
Глава 3. ПРИЧИНЫ ОТСТАВКИ И. С. ХРУЩЕВА.....	180
Ослабление налогового пресса над крестьянами.....	180
«Догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока и масла на душу населения»	183
«О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках»	185
Новочеркасская трагедия	188
И. С. Хрущев и армия.....	192
Кубинский ракетный кризис 1962 г.....	197
Замысел операции «Анадырь».....	202
Мир на грани войны	205
На путях выхода из кризиса	214
Реформы государственного и партийного аппарата	218
МВД и КГБ	222
XXII съезд КПСС.....	227
Комитет партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР.....	230
Октябрьский переворот	235
Глава 4. ОТ СТАБИЛЬНОСТИ – К ЗАСТОЮ (ноябрь 1964 – 1968 гг.).....	252
Первые шаги «коллективного руководства».....	252
Сельское хозяйство	255
Попытка проведения экономической реформы	257
XXIII съезд КПСС.....	259
Поиски идеологических ориентиров. Наследство И. В. Сталина.....	260
Вьетнамская война и СССР. 1965–1968	269
Чехословакия-1968. Взгляд из Москвы	275
Смена руководства в ЧССР	276
«Методы, которыми сейчас ведется работа в Чехословакии, очень напоминают венгерские».....	280
Определение позиций.....	285
Майские маневры	287
На перепутье между политическими и военными методами	291
Диалог Л. И. Брежнев – А. Дубчек 13 августа	300
Крайние меры	305

Глава 5. ОТ ЗАСТОЯ – К КРИЗИСУ (1969 – начало 80-х гг.).....	312
«Идеологическая дисциплина» в науке	312
Разгром «нового направления»	315
Ситуация вокруг «Нового мира» и А. Т. Твардовского	318
А. И. Солженицын и власть.....	320
Нео сталинизм и борьба за «идеологическую чистоту»	323
Реформы политические	331
Конец экономической реформы	332
Пролетарский интернационализм и внешняя политика СССР. Вьетнам.....	336
Афганистан.....	349
Две солидарности: социалистическая и польская	358
Глава 6. ГОНКИ НА КАТАФАЛКАХ (1982–1985 гг.)	369
Смерть А. И. Брежнева	369
Ю. В. Андропов: попытка возрождения коммунистического фундаментализма	372
Трагедия южнокорейского «Боинга».....	387
К. У. Черненко у власти	393
Глава 7. ПЕРЕСТРОЙКА, ГЛАСНОСТЬ, УСКОРЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА (1985–1989 гг.).....	397
Избрание М. С. Горбачева.....	397
Наследство Ю. В. Андропова. «Ускорение» как первый этап «перестройки» (1985–1986).....	402
Борьба с пьянством и бюджетом.....	404
Продолжение репрессий.....	406
Разрыв традиций.....	410
Команда М. С. Горбачева. Появление Б. Н. Ельцина	411
Трудности перемен	417
Чернобыльская трагедия.....	423
После Чернобыля.....	432
Страна непредсказуемого прошлого, или Какой социализм у нас был	439
«Бунт» Ельцина	444
Октябрьский Пленум ЦК КПСС 1987 г.	452
Национальные дела.....	458
Накануне XIX Всесоюзной партийной конференции.....	468
XIX Всесоюзная партийная конференция	472
Глава 8. ИЗ СССР В РОССИЮ (1989–1991 гг.)	484
Подготовка к выборам.....	484

Выборы народных депутатов СССР	485
Первый Съезд народных депутатов СССР	489
Обострение экономического кризиса в стране	493
Выборы Президента СССР	500
Первый Съезд народных депутатов России и Декларация о государственном суверенитете РСФСР	504
Судьба программы «500 дней»	512
Войска для уборки картофеля под Москвой	518
Новые изменения в команде Горбачева. Курс – на укрепление позиций Президента СССР	524
Референдум о сохранении СССР	528
Третий, Внеочередной Съезд народных депутатов РСФСР и новоогаревский процесс – от конфронтации к сотрудничеству	544
Выборы Президента России	552
Обострение кризиса в союзном руководстве. Борьба вокруг проекта Союзного договора	557
Августовский путч	564
Чечня: пролог трагедии	593
Воссоздание государственности России	600
От новоогаревского процесса до Беловежской пущи	604
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	612
POST SCRIPTUM к третьему изданию	618
Об историографии	620
Об источниках	626
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	637

ПРЕДИСЛОВИЕ

Завершился тот период истории России, который был связан с ее существованием в составе Советского Союза. СССР перестал существовать и с этого времени превратился в объект исторических исследований. Тема этой книги – история власти в послевоенном Советском Союзе. Есть несколько причин, которые определили выбор темы. Прежде всего, это ее неизученность. Прошлое в советской историографии отнюдь не было непредсказуемым: прошлым пытались управлять, создавать такой его облик, который бы отвечал задачам и представлениям власти на ее очередном этапе. По внутренней логике, свойственной развитию СССР, власть, клявшаяся в верности заветам марксизма-ленинизма, историческому опыту Коммунистической партии, на каждом новом этапе вычеркивала целые страницы прошлого. В небытие уходили главные действующие лица недавнего времени – Л. Д. Троцкий и А. И. Рыков, Н. И. Бухарин и К. Б. Радек, Н. И. Ежов и И. А. Серов, Г. М. Маленков и А. А. Кузнецов, М. Н. Тухачевский и Г. К. Жуков, Д. Т. Шепилов и А. Н. Шелепин... Эта участь коснулась и И. В. Сталина, Н. С. Хрущева, даже В. И. Ленина, тысячи документов которого были засекречены до последних дней существования КПСС. Власть четко задавала идеологические ориентиры, расставляла оценки, что хорошо и что плохо, предвзято исторические исследования. В качестве априорных истин провозглашались: – роль классовой борьбы как «локомотива истории»; – признание неизбежности перехода от одной общественно-экономической формации к другой, более прогрессивной, и утверждение коммунистической формации как вершины исторического развития; – деление, в соответствии с этим, всех исторических процессов на «прогрессивные» и «реакционные»; – убеждение, что роль КПСС была благотворной для всех сторон развития страны, – Советский Союз и страны «социалистического лагеря» – воплощение прогресса, «миролюбивой внешней политики»¹. Эти принципиальные положения лежали в основе не только подхода, определявшего содержание исторических исследований, но и политики доступа к архивным документам². Архивы в СССР всегда воспринимались руководством страны как важная сфера идеологического регулирования, как эффективный способ предопределять результаты научных исследований по истории XX в., так как манипулирование документальной информацией было частью руководства партии общественными науками. Особое внимание уделялось тем документам, которые создавались в результате деятельности партийного аппарата. Ознакомиться с документами любого партийного архива можно было только с согласия партийного органа – от обкома и крайкома до ЦК КПСС. Грифы секретности или других ограничений доступа имели до 90% партийных и до 20% документов федеральных архивов. Ситуация резко изменилась после событий августа 1991 г., когда Указом Президента РФ

¹ Сходные процессы происходили и в западной советологии, представлявшей собой до известной степени зеркальное отражение официальной советской историографии, только, естественно, с противоположными знаками.

² См.: Пихоя Р. Г. Размышления об архивной реформе // Археографический ежегодник. 1994 г. М., 1996. С. 3–17.

документы КПСС были включены в состав государственной части Архивного фонда страны. После принятия юридических актов, создавших правовую основу для рассекречивания архивов, исследователям стали доступны важнейшие политические документы недавнего прошлого – решения пленумов и съездов партии, протоколы Политбюро ЦК КПСС. Распад СССР совпал с многократным расширением круга исторических документов по истории страны. Это обстоятельство, как и отказ от идеологической предопределенности и однозначности оценок исторического прошлого, создает благоприятную основу для изучения послевоенной истории страны. Хронологические рамки книги – от победы в Великой Отечественной войне до прекращения существования СССР в декабре 1991 г. Если 1945 год – это время триумфа советского политического строя, превращения СССР в признанную всем миром сверхдержаву, укрепления тех социально-экономических и политических основ, на которых страна существовала почти 50 лет, то конец 80-х – начало 90-х гг. стали временем стремительно нарастающего экономического и политического кризиса, ослабления внутренних связей, утраты идеологического обоснования и в конце концов распада государства. Как уже отмечалось, предметом исследования является история власти в СССР. Это понятие не относится к числу четко выраженных институциональных категорий советской истории. Поэтому, отдавая себе полный отчет в несовершенстве определения понятия «власть в СССР», попытаемся описать это явление, зачастую прибегая к методу «от противоположного». Власть в СССР – это, безусловно, не власть КПСС. Прежде всего, КПСС как массовая политическая организация, выполнявшая как непосредственно, так и через партийные организации управленческие функции, исключала возможность для своих членов участвовать в принятии управленческих решений. Принцип демократического централизма, лежавший в основе организации партии, практически исключал возможность движения предложений «снизу вверх». Те же решения, которые принимались руководством КПСС, опять-таки менее всего отвечали процедурам, предусмотренным Уставом КПСС. Не оправдывается и представление о том, что власть в Советском Союзе принадлежала органу, который реально (а не по Уставу партии) управлял партией, – его Политбюро. Да, в его составе были высшие руководители государства, но на протяжении ряда периодов истории страны – в конце 30-х гг.¹, а также во время войны и в послевоенный период, едва ли не до 1956 г., – важнейшие решения принимались не на заседаниях Политбюро, а в так называемом «опросном порядке», т. е. оформлялись задним числом. В это время едва ли не важнее были решения Совмина СССР, где власть концентрировалась в значительно большей степени, чем в собственно партийном руководстве.

Приказы о действиях, имевших огромное политическое значение, как правило, принимались предельно узким кругом руководства. Так, решение о расстреле польских офицеров в Катыни было принято четырьмя членами высшего руководства страны – секретарем ЦК ВКП(б) И. В. Сталиным, наркомом обороны К. Е. Ворошиловым, Председателем СНК и наркомом иностранных дел В. М. Молотовым и

¹ См.: Хлевнюк О. В. Политбюро: Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996. С. 266. Исследователь полагает, что после назначения И. В. Сталина в мае 1941 г. Председателем Совета Народных Комиссаров СССР Политбюро было фактически ликвидировано как регулярно действующий орган политического руководства, превратившись, в лучшем случае, в совещательную инстанцию при Сталине. При кажущейся полемичности этого утверждения нельзя не согласиться, что центр тяжести власти в военные и послевоенные годы переместился из Политбюро в Совет Народных Комиссаров (с 1946 г. – Совмин СССР).

наркомом внешней торговли, заместителем Председателя СНК А. И. Микояном; позже к ним присоединились Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин и нарком нефтяной промышленности, заместитель Председателя СНК Л. М. Каганович¹. Важнейшее решение о вводе советских войск в Афганистан 12 декабря 1979 г. было принято на даче Л. И. Брежнева председателем КГБ Ю. В. Андроповым, министром обороны Д. Ф. Устиновым, министром иностранных дел А. А. Громыко, Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и заведующим Общим отделом ЦК К. У. Черненко и только позже было оформлено как решение Политбюро².

Важнейшие кадровые изменения – от определения круга «наследников Сталина» в марте 1953 г. до отставки Н. С. Хрущева в октябре 1964 г. – предопределялись самым узким кругом государственных лидеров, лишь затем закреплялись постановлениями Политбюро, Пленумов ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР. Старая советская шутка, что власть в СССР сосредоточена внутри Садового кольца и то, что хорошо для его жителей, хорошо для всей страны, была не так уж безосновательной. Власть в послевоенном СССР распределялась среди высшего управленческого звена страны, прежде всего между руководителями четырех главных ведомств: Старой площади – аппарата ЦК КПСС, Кремля – Совмина СССР, Лубянки – КГБ СССР и «Арбатского военного округа» – Министерства обороны СССР.

Частью властной элиты были также представители высшего звена политического руководства на местах и в центре – секретари обкомов, райкомов, ЦК компартий союзных республик³, министры, заместители министров и члены коллегии министерств и союзных ведомств⁴, высшие представители советского аппарата, армии, КГБ, юстиции, промышленности, науки, пропаганды и культуры, входившие в число членов и кандидатов в члены ЦК КПСС и Центральной ревизионной комиссии КПСС⁵. Добавим к этому перечню тот слой управленцев, который обладал реальной властью на местах, – это заведующие отделами обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик⁶.

Позволим себе утверждать, что власть в послевоенном «СССР» принадлежала олигархии, скрывавшейся за высшими звеньями партийного и государственного аппарата и маскировавшейся за массовой Коммунистической партией, выборной системой Советов. Внешним, формальным проявлением принадлежности к этой олигархии было включение в номенклатуру Политбюро и Секретариата ЦК КПСС. Внутренней, сущностной характеристикой олигархии была ее возможность непосредственно участвовать в процессе управления страной в условиях огосударствления всех сфер жизни в СССР. Едва ли не более точные данные о численности высшего слоя власти в стране дает список абонентов правительственной связи. Прежде всего это знаменитая московская АТС-1. Сам факт включения

¹ См.: Катюнь: Пленники необъявленной войны / Под ред. Р. Г. Пихои, А. Гейштора и др. М., 1997. С. 385.

² РГАНИ, ф. 89, оп. 14, д. 31, л. 1.

³ В начале 1990 г. число таких должностей составляло 799. См.: Материалы делегату XXVIII съезда КПСС. М., 1990. С. 19–20.

⁴ По нашим подсчетам, около 1 тыс. чиновников.

⁵ Ориентировочно около 500 человек (см.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1987. С. 337–339).

⁶ В 1986 г. – 2 113 должностей (см.: Материалы делегату XXVIII съезда КПСС. С. 20).

фамилии чиновника в книжечку с красным переплетом, украшенным гербом Советского Союза и надписью «Правительственная АТС-1», свидетельствовал о принадлежности к олигархии, к высшему звену власти в стране. Простой звонок владельца этого телефона мог иметь последствия для отрасли промышленности или культуры, для людей, которые руководили заводами или киностудиями. «Телефонное право» – предмет иронии журналистов 80-х гг. – было действительно правом, принятым олигархической властью.

В список абонентов АТС-1 были включены члены Политбюро и секретари ЦК КПСС, некоторые политические обозреватели и главные редакторы, представители высшего генералитета и президиума Академии наук СССР, руководители министерств и ведомств, директора заводов и ректоры крупнейших университетов. Таких главных действующих лиц в Советском государстве, судя по справочнику АТС-1 от 1 июня 1991 г., насчитывалось более 600 человек¹.

В олигархию входили также руководители, жившие в столицах союзных и автономных республик, в краевых и областных центрах. Список абонентов автоматических междугородных телефонных станций правительственной междугородной связи включал высших партийных и государственных чиновников, директоров крупнейших промышленных предприятий, командующих военными округами и крупными воинскими частями, начальников управлений КГБ. Этот перечень для всего СССР включал примерно 2 800 местных начальников².

Между двумя ветвями власти – местной и центральной – существовали тесные связи. В Москве, во всех звеньях управления – от аппарата ЦК до Совета Министров и отдельных министерств – к просьбам и предложениям первого секретаря обкома партии внимательно прислушивались. Беседы с секретарями обкомов входили в обязательный ритуал деятельности генеральных секретарей ЦК. Причины этого разнообразны. Прежде всего, секретари обкомов, будучи в большинстве своем членами ЦК КПСС, участвовали в голосовании на Пленумах ЦК, поэтому отношения с секретарями могли либо укрепить власть Первого секретаря, как это было на июньском Пленуме ЦК 1957 г., либо предопределить его отставку, как случилось с Н. С. Хрущевым на октябрьском Пленуме ЦК 1964 г. Хорошие отношения с первыми секретарями – гарантия исправного функционирования «машин голосования» на пленумах и съездах партии. Кроме этого, от деятельности первых секретарей обкомов и крайкомов в известной степени зависело выполнение правительственных программ в области промышленности, обороны, сельского хозяйства, так как в их распоряжении была возможность направить «местные ресурсы» на решение тех задач, которые признавались общегосударственными. Представители местной власти пополняли ряды столичной бюрократии, в том числе и высшие их звенья, достаточно вспомнить хотя бы Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова и М. С. Горбачева. В свою очередь, местные руководители в огромной степени зависели от центральной власти – от инвестиций в свои области, выделения «фондов» (гарантированного промышленного и продовольственно-

¹ См.: Список абонентов правительственной автоматической телефонной станции АТС-1 на 1 июня 1991 г. М., 1991. Мы не рассматриваем перечень абонентов телефонной правительственной связи АТС-2, так как он дублировал перечень абонентов АТС-1, добавляя к этому списку некоторое число сотрудников управленческого аппарата, обеспечивавшего в конечном итоге деятельность все тех же чиновников, перечисленных в справочнике АТС-1.

² См.: Список абонентов автоматических междугородных телефонных станций правительственной междугородной связи республик, краев и областей на 1 февраля 1990 г. М., 1990.

го снабжения) до решения собственных, личных проблем, вплоть до получения после выхода на пенсию уютной квартиры в центре Москвы или устройства своих детей в престижные учебные заведения. Власти на местах в значительной степени зависели именно от Центра и в меньшей степени – от собственного окружения в республиках и областях. Итак, число главных действующих лиц советской послевоенной истории вряд ли превышало 3 тыс. человек¹. Это как раз те люди, которые олицетворяли власть в СССР. У них существовали взаимные интересы и взаимная зависимость.

Принцип номенклатуры, ставивший, казалось, всех государственных чиновников в зависимость от партийного аппарата, не был универсальным законом организации власти в стране. Да, без утверждения в партийных органах – отделах ЦК, Секретариате или Политбюро – нельзя было получить назначение на соответствующую должность. Однако если кандидатура на должность не была согласована с соответствующим ведомством – Советом Министров, министерством, Комитетом государственной безопасности (последнее было совершенно обязательно), то невозможно было и назначение на любую действительно важную должность в государственном или партийном аппарате. По существу, требовалась взаимная заинтересованность чиновников. Там, где обрывались цепочки взаимных обязательств, заканчивалась карьера чиновника.

Механизм осуществления власти предполагал в обычных случаях тесное взаимодействие многих управленческих институтов – министерств и ведомств, Совмина и его отделов, аппарата ЦК КПСС, Секретариата и Политбюро. Вместе с тем кажущаяся безукоризненной система согласования, предварительной экспертизы фактически устранялась, если решения должны были приниматься оперативно или в случае, когда эти решения имели высокую политическую цену. Тогда их принимали на уровне высшего политического руководства страны (как правило, руководитель партии по согласованию с главой Совмина, КГБ и армии) из соображений политической целесообразности, точнее, того, как понималась эта целесообразность в конкретный момент. Мнение руководства могло решительно расходиться с мнением экспертов, противоречить ранее принятым решениям. Высочайший уровень централизации, стремление управлять всем, свойственное советской организации власти, создавали известную управленческую проблему: поток информации, направлявшийся «снизу», не мог быть освоен и использован для принятия решений. Невольно напрашивается сравнение с громадным динозавром, мощным, но неповоротливым, с громадным телом и непропорционально маленькой головкой на длинной шее.

Задачей книги является изучение того, кто, как и какие решения принимал в послевоенной истории страны, как осуществлялась власть в стране в ее различных проявлениях, почему, наконец, система, считавшаяся эффективной, располагавшая громадными ресурсами, перестала существовать.

При соблазне «расставлять оценки по поведению» (имеющем, заметим, громадные традиции в отечественной историографии) постараемся остаться в прокрустовом

¹ Любопытное наблюдение: в тетради посетителей И. В. Сталина зафиксировано около 3 тыс. человек, которые в разное время – с 1924 по 1953 г. – пересекли порог его кабинета. Отметим, что в это число входили и иностранные дипломаты, и представители компартий других стран (см.: Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина: Журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком. 1924–1953 г. / Изд. А. В. Коротковым, А. Д. Черневым, А. А. Чернобаевым // Исторический архив. 1994. № 6; 1995. № 2, 3, 4, 5–6; 1996. № 2, 3, 4, 5–6; 1997. № 1.

ложе фактов и документальных свидетельств. Это не самая удобная позиция, так как она исключает полет эффектных обобщений и социологических выводов, однако она позволяет не только сообщить читателям фактические сведения по истории недавнего прошлого, но и дать ученым возможность проверить те наблюдения, которые сделаны в этой книге.

Хотелось бы выразить сердечную признательность за помощь, оказанную в подготовке этой книги Н. А. Кривовой, сотрудникам Архива Президента России А. В. Короткову, А. С. Степанову, С. А. Мельчину, А. Д. Черневу, директору Центра хранения современной документации Н. Г. Томилиной, директору Российского государственного архива кинофотодокументов Л. П. Запрягаевой, а также академикам Г. Н. Севостьянову и А. Н. Яковлеву за замечания, высказанные при знакомстве с рукописью книги.

Сноски на архивы сохранены в редакции 2000 г.

Глава 1

ГЕНЕРАЛИССИМУС, МАРШАЛЫ И «ВИНТИКИ»

...У истории русской страницы
Хватит для тех, кто в пехотном строю
Смело входили в чужие столицы,
Но возвращались в страхе в свою.

Иосиф Бродский. На смерть Жукова

За людей, которых считают «винтиками» великого государственного механизма, но без которых все мы – маршалы и командующие фронтами, армиями, грубо говоря, ни черта не стоим.

И. В. Сталин. Тост на приеме в честь участников Парада Победы 25 июня 1945 г.

Парад Победы

В 10 часов утра 24 июня 1945 г. открылись широкие створы деревянных, окопанных железными полосами, ворот Спасской башни московского Кремля. Под перезвон часовых колоколов и цоканье копыт по брусчатке оттуда появился всадник на белом коне. Ему навстречу на вороном жеребце поскакал второй всадник. Оба были опытными кавалеристами. Они сидели в седлах, как влитые. Мундиры, покрытые золотой броней орденов и медалей, были перетянуты золотыми поясами, сверкали золотом погон и галунов. Эти всадники олицетворяли победную мощь и величие, родовые признаки Красной Армии, ее неразрывную связь с российской императорской армией. Начиная Парад Победы¹.

Всадником на белом коне был маршал Георгий Константинович Жуков. Он принимал парад. Командовал парадом маршал Константин Константинович Рокоссовский. Оба маршала получили свои первые воинские награды в Первую мировую, когда они, драгунские унтер-офицеры, воевали против немцев. Оба служили в Красной Армии, командовали кавалерийскими полками, бригадами, дивизиями. Оба закончили в 1925 г. Кавалерийские курсы усовершенствования командного состава. Вместе с ними учились будущие маршалы А. И. Еременко и И. Х. Баграмян. В будущем их военные судьбы причудливо переплелись.

Комдив Рокоссовский был непосредственным начальником комполка Жукова², затем военная карьера Рокоссовского, казалось, была навсегда оборвана. В августе 1937 г. он был арестован по обвинению в участии в военном заговоре. Руководителем заговора был объявлен маршал М. Н. Тухачевский³. Большинство арестованных были расстреляны. Рокоссовскому повезло. В марте 1940 г., когда финская война завершилась, и стало очевидным, что одной из главных причин неудач Красной Армии в этой войне был недостаток командного состава, Рокоссовского отыскали в лагере и назначили командиром кавалерийского корпуса. В конце 1940 г. он стал командовать 9-м механизированным корпусом, с ним вступил в войну, под Москвой он командовал армией, позднее – Брянским фронтом, во время

¹ О Параде Победы см.: Воен.-ист. журн. 1978. № 2, 3, 5, 7, 9, 11; 1979. № 2, 6, 8, 11; 1980. № 6.

² См.: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1971. С. 93–94. Далее: Жуков, 1971.

³ Подробнее см.: Сувениров О. Ф. Трагедия РККА. 1937–1938. М., 1998.

Сталинградской битвы – Донским, затем – Центральным, Белорусским, 1-м и 2-м Белорусскими фронтами. В 1944 г. Рокоссовский стал маршалом.

Карьера Жукова в конце 30-х годов пошла вверх. В 1939 г. под его командованием были разгромлены японские войска под Халхин-Голом; тогда он был награжден первой медалью «Золотая Звезда». В 1940 г. Жуков возглавил Киевский особый военный округ, а в январе 1941 г. стал начальником Генерального штаба. С начала войны Жуков находился на самых опасных фронтах – под Ленинградом и Москвой, в Сталинграде и на Курской дуге. С 1942 г. Жуков был назначен заместителем наркома обороны и заместителем Верховного Главнокомандующего, став вторым, после Сталина, военачальником страны. Он командовал штурмом Берлина и в ночь с 8 на 9 мая 1945 г. принял безоговорочную капитуляцию Германии.

По солдатской «табели о рангах» сорокадевятилетние Жуков и Рокоссовский были, самыми знаменитыми и главными героями войны. В Советской Армии было много талантливых генералов и маршалов, но таких, поистине солдатских, было только два. Такими они и остались в памяти народа. Они и возглавили Парад Победы.

Торжественно выглядела украшенная флагами Красная площадь. Для парада были выстроены войска. Вдоль фасада ГУМа установлены гербы всех союзных республик и в центре – герб СССР. На противоположной стороне площади, по обе стороны Мавзолея, построены дополнительные трибуны для депутатов Верховного Совета СССР, дипломатов, деятелей литературы и искусства. Наверху, на трибунах Мавзолея, стояли члены Правительства и руководители ВКП(б). Внизу, перед Мавзолеем, была оборудована площадка, где находились генералы¹.

Жуков и Рокоссовский объехали строй полков. Каждый парадный полк, численностью в тысячу человек, представлял один из фронтов, существовавших к окончанию войны. Сводные полки были расположены так, как они воевали – с севера на юг – Карельский, Ленинградский, 1-й Прибалтийский, 3-й, 2-й и 1-й Белорусские, 1-й, 4-й, 2-й и 3-й Украинские фронты. За ними стоял сводный полк моряков. Во главе каждого полка – командующие фронтами, и только полки 1-го и 2-го Белорусских фронтов возглавляли заместители командующих, так как этими фронтами командовали в последние месяцы войны маршалы Жуков и Рокоссовский. Рядом с боевыми знаменами фронтов, словно церковные хоругви, колыхались знаки с названиями фронтов.

После объезда парадного строя Жуков и Рокоссовский размеренным галопом подскочили к Мавзолею. Бросив поводья коня офицеру, Жуков пружинисто поднялся на трибуну, достал из внутреннего кармана кителя текст выступления и – «от имени и по поручению Советского правительства и Всесоюзной Коммунистической партии большевиков» – поздравил участников парада с великой Победой.

Жуков говорил о величии Победы, о войнах, отстоявших честь, свободу и независимость Родины, о сотрудничестве с союзниками, призывал помнить о героях, сложивших головы в борьбе с врагом. И в каждом абзаце речи, предварительно подготовленной и утвержденной в Политбюро, были слова о «сталинской военной науке», «сталинской военной школе», о «гениальном сталинском предвидении». «Слава нашему мудрому вождю и полководцу, маршалу Советского Союза Великому Сталину! Ура!» – закончил Жуков свою речь².

¹ См.: Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1968. С. 403.

² Правда. 1945. 25 июня.

Ура-а-а! – отозвался парад.

Начиналась новая часть парада: 1400 музыкантов сводного военного оркестра вступили на брусчатку Красной площади и музыка М. Глинки «Славься!» слышалась с залпами артиллерийского салюта. Полки двинулись парадным маршем по площади мимо трибун Мавзолея. Под начавшимся дождем во главе полков шли маршалы К. А. Мерецков, А. А. Говоров, Ф. И. Толбухин, И. С. Конев, Р. Я. Малиновский, генералы армии А. И. Еременко, И. Х. Баграмян. Военных моряков вел вице-адмирал В. Г. Фадеев. Каждый сводный полк шел под свою музыку. Поочередно звучали советские военные марши и марши старой русской армии.

После прохода полков – фронтов музыка смолкла. Короткая пауза. Затем раздалась резкая дробь барабанов. На площади появились двести рослых гвардейцев, которые несли опущенные до земли знамена различных частей германских вооруженных сил. Их полотнища волочились по мокрой от дождя брусчатке; у правого фланга – личный штандарт Гитлера. Солдаты, чеканя шаг, дошли до трибун Мавзолея, где стоял Сталин, члены Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б), руководители Советского Правительства, и бросили к подножью Мавзолея эти символы германской армии. И произошло чудо – солдатский строй сломался. Вместе со штандартами 1-го Кирасирского полка, 1-го Драгунского, 4-го Гусарского, 9-го конно-пехотного, 10-го Уланского и других частей германской армии, когда-то считавшихся цветом гитлеровской империи¹, с солдатских плеч свалился тяжкий военный груз. Они бросали флаги, как крестьяне вилами сбрасывают слежавшийся навоз; солдаты, только что блиставшие безукоризненной строевой подготовкой, поворачивались у Мавзолея как штатские люди и возвращались, казалось, каждый сам по себе. Низложение вражеских флагов явилось кульминацией Парада Победы, символом окончательного разгрома Германии.

Третьей частью парада стало прохождение воинских частей, олицетворявших будущее Красной Армии. Прошли сводный полк Наркомата обороны, слушатели военных академий и училищ, суворовцы. Следом за ними – кавалеристы и военная техника – танки, артиллерия различных калибров, «катюши», на трехосных студебеккерах и юрких вилицах следовали подразделения воздушно-десантных войск.

Двухчасовой парад закончился под проливным дождем. По старинной народной примете дело, которое начинается в дождь, хорошо заканчивается. Однако для значительной части высшего генералитета Красной Армии, армии-победительницы, эта примета не оправдалась.

На следующий день – 25 июня – в Большом Кремлевском дворце, в роскошном интерьере Георгиевского зала (зал в честь военного ордена Св. Георгия, белые с золотом стены которого украшены мраморными плитами с перечнем кавалеров этого ордена и прославленных воинских частей) состоялся грандиозный прием в честь участников Парада Победы. Звучали здравицы и тосты в честь Сталина, Жукова, каждого из командующих фронтами, родами войск, Генерального штаба...² Прием превращался в триумф Красной Армии, ее генералитета, в триумф русской армии, ее боевых традиций.

Диссонансом прозвучал тост Сталина. Прочитываю его полностью:

«Не думайте, что я скажу что-нибудь необычайное. У меня самый простой, обыкновенный тост. Я бы хотел выпить за здоровье людей, у которых

¹ См.: Калущкий Н. Особое задание // Живая память. М., 1995. Т. 3: 1944–1945. С. 532–546.

² Подробное восторженное описание этого приема см.: Штеменко С. М. Указ. соч. С. 405–411.

чинов мало и звание незавидное. За людей, которых считают «винтиками» великого государственного механизма, но без которых все мы – маршалы и командующие фронтами и армиями, говоря грубо, ни черта не стоим. Какой-либо «винтик» разладился – и кончено. Я поднимаю тост за людей простых, обычных, скромных, за «винтики», которые держат в состоянии активности наш великий государственный механизм во всех отраслях науки, хозяйства и военного дела. Их очень много, имя им легион, потому что это десятки миллионов людей. Это – скромные люди. Никто о них не пишет, звания у них нет, чинов мало, но это – люди, которые держат нас, как основание держит вершину. Я пью за здоровье этих людей, наших уважаемых товарищей»¹.

«Простой, обыкновенный тост» Сталина был не так прост. Если угодно, это было выступление с двойным, если не более, дном. На поверхности – это прославление простого, нечинового человека, прославление простых людей в тот день, когда праздновалась великая Победа. Если заглянуть поглубже, то ясно видно, что Сталин противопоставлял и сталкивал маршалов, генералов, элиту вообще с безликими «винтиками», людьми, лишенными каких-либо родовых признаков, а не представителями «великого русского народа», который мог сменить, по мысли Сталина, правительство. «Винтики» – это люди, «обточенные» до функции. Их основная добродетель – быть основанием пирамиды власти, быть исполнительными, не ломаться и не разлаживаться. Сталин, олицетворявший «великий государственный механизм», выступал от имени всех этих «винтиков» и оценивал маршалов и генералов, что они «ни черта не стоят» без государственного механизма с его «винтиками».

Но есть и еще одна поразительная деталь, на которую до сих пор не обращали внимание исследователи, (но не современники). Когда Сталин говорил о «винтиках», то указывал, что «их очень много, имя им легион, потому что это десятки миллионов людей». «Имя им легион» – выражение, почерпнутое из Евангелия от Марка (Мк. 5:2–20), из притчи об исцелении бесноватого. «Имя им легион» – так сказано в Евангелии бесчисленных бесов, которые одолевали человека. Господь этих бесов изгнал, бесы вселились в свиней, те бросились в море и утонули. Конечно, Сталин, бывший одним из лучших учеников Горийского духовного училища и успешно учивший на первых курсах Тифлисской духовной семинарии, прекрасно знал эту притчу и точный смысл этого выражения. Не хуже Сталина это понимали и А. И. Микоян, выпускник той же духовной семинарии, и А. А. Жданов, отец которого был профессором Петербургской духовной академии, и маршал А. М. Василевский, происходивший из семьи священника. Можно не перечислять: среди людей, собравшихся в Большом Кремлевском дворце 25 июня 1945 г., абсолютное большинство училось Закону Божию в детстве и знало притчу о бесноватом. Тем более странно и жутковато звучало под сводами Георгиевского зала отождествление советских людей с «винтиками», а тех – с бесами из Евангелия.

Война закончилась. Не стало нужды в смелых, самостоятельных, предприимчивых генералах. Более того, генеральские амбиции представлялись вредными. Сталин одернул своих маршалов и генералов в час, который казался им часом триумфа.

¹ Правда. 1945. 27 июня.

... Спустя день, на даче у Жукова в подмосковной Сосновке собрались его друзья и командующие армиями 1-го Белорусского фронта. За праздничным столом встретились генерал-полковник А. В. Горбатов, генерал-полковник И. И. Федюнинский, генерал-полковник В. И. Чуйков, генерал-полковник В. И. Кузнецов, маршал бронетанковых войск С. И. Богданов, маршал В. Д. Соколовский, генерал-лейтенант К. Ф. Телегин. Был там и генерал-лейтенант В. В. Крюков, порученец маршала Жукова, с женой, певицей Л. А. Руслановой.

Мало было в России певиц, которые по своей славе могли сравниться с ней. Русские народные песни, романсы в ее исполнении звучали по радио едва ли не каждый день. У Руслановой была своя война. Уже в июле 1941 г. она выступала перед солдатами под Ельней, где шли жестокие бои. Много раз она пела в блокадном Ленинграде. С концертами Русланова объездила многие фронты. Последний свой фронтовой концерт она дала в Берлине, у стен горевшего Рейхстага. На встрече фронтовиков-соратников в Сосновке, Л. Русланова произнесла тост за Георгия Победоносца – Георгия Константиновича Жукова.

На следующий день запись слов Руслановой, зафиксированных средствами технической прослушки НКГБ на даче у Жукова, была на столе у Сталина¹.

Военные и власть

Война не могла не усилить роль армии в жизни общества, война предъявляла свои суровые требования для отбора командного состава. Наркомат обороны в августе 1944 г. с гордостью писал в правительство о состоянии офицерского корпуса в стране: «Мы в настоящее время располагаем самыми ценными военными кадрами, какие когда либо до сих пор имели, так же как и самыми лучшими – в сравнении с кадрами любой армии мира»².

Офицерский и генеральский корпус был молод, обладал фронтовым опытом, научился воевать в обороне и наступлении. 38,7% командиров полков были не старше 35 лет; соответственно 73,2, 60,5 и 44,8% командиров дивизий, корпусов и армий были моложе 45 лет. Генеральские погоны в Красной Армии (без данных по Военно-Морскому Флоту, Наркоматам внутренних дел и госбезопасности, Политуправлению Красной Армии и другим ведомствам) получили в годы войны 1 753 человека³ (из 2 952 генералов, которые служили в августе 1944 г.). Война ввела значительное число беспартийных в состав элиты советского общества – офицерский и генеральский корпус. К маю 1944 г. 286 генералов Красной Армии не состояли в ВКП(б). Кроме того, 238 генералов стали членами партии только в годы войны⁴. Это были люди, обладавшие не только умением воевать, но и высоким чувством собственного достоинства.

Офицерский корпус справедливо гордился преемственностью традиций со старой русской армией. Более того, в годы войны шло сознательное копирование отдельных черт и признаков дореволюционной армии: были восстановлены воинские звания; введено ношение погон; военные суворовские и нахимовские училища

¹ Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 58. Д. 306. Л. 102.

² «Мы располагаем самыми лучшими кадрами»: Записки о послевоенном устройстве армии // Источник. 1996. № 2. С. 132–152.

³ «Мы располагаем самыми лучшими кадрами»: Записки о послевоенном устройстве армии // Источник. 1996. № 2. С. 152.

⁴ Там же. С. 149.

для малолетних воспитанников создавались по образу и подобию кадетских корпусов; начальник Главного управления кадров Красной Армии Ф. И. Голиков, предлагая осуществить реорганизацию системы военных училищ, прямо указывал в качестве образца на «военные училища старой армии»¹.

Офицерский корпус оказался у порога превращения в сословие – предусматривалось обязательное награждение орденами и медалями за выслугу лет. Специальным постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 4 июня 1944 г. вводилось награждение за выслугу лет: за 10 лет добросовестной службы полагалась медаль «За боевые заслуги»; за 15 – орден Красной звезды; за 20 – орден Красного Знамени; за 25 – орден Ленина; за 30 лет – полагалось второе награждение орденом Красного Знамени. Кавалеры орденов имели надбавку к жалованью, ряд льгот².

Сталин лично занимался вопросом о создании системы льгот для высшего офицерского состава и для деятелей науки, литературы и искусства. Он тщательно отредактировал и внес ряд принципиальных изменений в текст специального постановления Совета Народных Комиссаров СССР от 18 марта 1944 г. «Об организации магазинов и ресторанов в г. Москве для обслуживания работников науки, техники, искусства и литературы, а также высшего офицерского состава Красной Армии». Неравенство в получении материальных благ, узаконенное властью, становилось своего рода признаком формировавшихся сословий. Согласно этому постановлению, в Москве открывались к 15 апреля 1944 г. 20 магазинов, торговавших продовольственными товарами, винами, напитками и табачными изделиями, мясом, молоком, чаем. В Москве был открыт Центральный универмаг, где торговали одеждой и обувью по индивидуальным заказам, трикотажем, бельем, галантерейными и парфюмерными товарами и головными уборами, и 4 специализированных магазина, торговавших галантерейными и парфюмерными товарами и головными уборами.

В этих магазинах шла именно торговля. Это важно подчеркнуть, так как в войну вся система государственной торговли была заменена на распределение товаров по карточкам по специальным карточным ценам. Так, с ноября 1943 г. по карточкам рабочим полагалось на день 500–700 граммов хлеба, служащим – по 400–450 граммов, детям и иждивенцам – 300 граммов³. Хлеб можно было купить на рынках, к примеру, в 1942 г. стоимость килограммовой буханки хлеба на рынках в рабочих городах Урала доходила до 100 рублей⁴, ведро картошки стоило 25 рублей. При этом средний месячный заработок в промышленности в 1945 г. за работу по 11–13 часов в день составлял 470 рублей⁵. Летом 1946 г. в разных районах России хлеб в пределах пайка можно было получить по специальным карточным ценам – от 75 копеек до 1 рубля 15 копеек. Коммерческая цена в магазине была от 8 до 10 рублей за килограмм⁶.

Цены в коммерческих магазинах были много выше, чем так называемые пайковые, карточные, но существенно ниже, чем на рынках. Главное состояло в том, что

¹ «Мы располагаем самыми лучшими кадрами»: Записки о послевоенном устройстве армии // Источник. 1996. № 2. С. 133.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 53. Д. 14. Л. 31–34.

³ См.: Великая Отечественная война. 1941–1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 497.

⁴ См.: Орлов Ю. Ф. Опасные мысли: Мемуары из русской жизни. М., 1992. С. 70.

⁵ См.: Зинич М. С. Будни военного лихолетья. 1941–1945. М., 1994. Вып. 1. С. 54.

⁶ См.: Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 2000. С. 70.

коммерческие магазины предлагали *выбор* товаров и предоставляли *скидки*, но только тем категориям населения, которые были перечислены в постановлении. По проекту постановления, представленному заместителем Председателя СНК СССР А. И. Микояном Сталину, высшим офицерам и деятелям науки, литературы и искусства, полагалась скидка 25%, в соответствии с правкой Сталина высшему офицерскому составу скидка устанавливалась в 35%.

Продажа товаров со скидкой работникам науки, техники, искусства, литературы и высшему офицерскому составу Красной Армии в магазинах особой торговли производилась по так называемым «лимитным книжкам». Обладатели книжек имели право покупать продовольственные товары в пределах до 4 тыс. руб. в месяц и промышленных товаров до 10 тыс. руб. за квартал. Одновременно решалась и важная экономическая задача: торговля по повышенным ценам некоторыми товарами (водка, табак, парфюмерия и др.), а также коммерческая торговля, организованная с середины 1944 г., дали казне за годы войны дополнительно около 172 млрд руб.¹.

Для высших офицеров, деятелей науки, литературы и искусства в Москве весной 1944 г. были открыты 50 ресторанов, в том числе 20 ночных «1-го разряда с музыкой и эстрадными выступлениями артистов, открытых до 5 часов утра». Часть этих ресторанов имела явно выраженный профессионально-клубный характер. Были открыты: ресторан для учёных при Доме ученых, ресторан для архитекторов при Доме архитектора, ресторан для писателей при Доме писателей, ресторан для киноработников при Доме кино, ресторан для композиторов и музыкантов при Доме композитора, ресторан для артистов при Доме актера, ресторан для работников искусств при Центральном доме работников искусств, ресторан для офицеров при Центральном доме Красной Армии, ресторан для работников авиации и авиапромышленности при клубе летчиков.

Кроме них, были открыты и более доступные рестораны, такие как «Москва», «Арагви», «Астория», «Балчут» и ряд других, работавшие до утра. Появились и коммерческие рестораны попроще, работавшие с 12 часов дня до 12 часов ночи.

При различии ресторанов неизменным было одно: работникам науки, техники, литературы и искусства полагалась скидка в 30%, а высшим офицерам опять-таки по предложению Сталина, – в 50%².

Такие же магазины и рестораны были открыты во второй половине 1944 г. в областных городах, крупнейших центрах военного производства, – Свердловске, Челябинске, Горьком.

Военную, промышленную, артистическую элиту привязывали к власти, ставили ее в зависимое от власти положение. «Политика пряника» была потому более важной, что она сочеталась с «политикой кнута». Война с особой силой отразилась на самосознании деятелей культуры, объективно спровоцировав выступления против партийного контроля над литературой. Осенью 1944 г. на стол члена Политбюро А. А. Жданова, «курировавшего» идеологию и культуру, лег любопытный документ: информация наркома НКГБ СССР В. Н. Меркулова о политических настроениях и высказываниях советских писателей. Донос свидетельствовал: большинство писателей в разной форме выражали недовольство партийным диктатом. Писатели отнюдь

¹ См.: Попов В. П. Экономическая политика Советского государства. 1946–1953. Москва-Тамбов. 2000. С. 72, 78.

² Постановление Совета Народных Комиссаров СССР № 289 от 18 марта 1944 г. «Об организации магазинов и ресторанов в г. Москве для обслуживания работников науки, техники, искусства и литературы, а также высшего офицерского состава Красной Армии.

не ограничились критикой «партийных фельдфебелей над литературой» Д. А. Поликарпова и Г. Ф. Александрова. Это было еще опаснее, чем осуждение партийного руководства литературой и искусством (хотя и это составляло несомненный криминал!). В среде писателей едва ли не в открытую говорили о необходимости радикальных политических перемен в стране; добавим – о необходимости и *неизбежности*, с точки зрения писателей, этих преобразований в послевоенном СССР. Отметим еще – мысль о неизбежности перемен выражали люди, относившиеся к различным литературным группировкам.

Процитируем некоторые из таких высказываний.

Чуковский К. И. – «Что такое деспотизм? Это воля одного человека, передоверенная приближенным <...> Я живу в антидемократической стране, в стране деспотизма <...> С падением нацистской деспотии мир демократии встанет лицом к лицу с советской деспотией. Будем ждать».

Гладков Ф. В. – «Мы, старые большевики, всегда боролись за свободу творческой жизни пролетариата. Но теперь старые большевики не в моде, революционные принципы неуютны... Трудно писать. Невыносимо трудно. А главное – поговорить не с кем. Исподличались люди <...> Литература встанет на ноги только через 20–30 лет. Это произойдет, когда народ в массе своей, при открытых дверях за границу, станет культурным».

Асеев Н. Н. – «...Ничего, вместе с демобилизацией вернутся к жизни люди, все выдавшие. Эти люди принесут с собой новую меру вещей»¹.

Фронтвые порядки сказались на системе управления промышленностью. Директора заводов, производивших продукцию для армии, получали офицерские и генеральские звания, поддерживали теснейшие отношения с заказчиками-военными. Фронтвые порядки проникали даже в партийный аппарат. Сам Сталин, Председатель Совмина СССР, секретарь ЦК ВКП(б), нарком обороны и Председатель Государственного Комитета Обороны, стал в 1943 г. маршалом, а после завершения войны – Генералиссимусом. Получила распространение практика назначения представителей высшего звена партийного аппарата членами военных советов фронтов и армий.

Война привела к перемещениям на вершине власти. Первым заместителем Сталина в СНК и его заместителем по военным и военно-морским делам стал Н. А. Вознесенский. Берия, назначенный в конце 1938 г. на пост наркома внутренних дел, курировал как заместитель Председателя Совнаркома Наркоматы государственной безопасности, лесной промышленности, цветной металлургии, нефтяной промышленности и речного флота. Маленков, Вознесенский, Берия вошли в состав Государственного Комитета Обороны, где отвечали за военную экономику. Маленков курировал авиационную промышленность, Вознесенский занимался металлургической, нефтяной и химической отраслями, Берия обеспечивал производство вооружения и боеприпасов, а с мая 1944 г. сменил Молотова на посту заместителя Председателя ГКО. Судя по «тетрадам записи посетителей», которые вели секретари кремлевского кабинета вождя, Маленков, Берия и Молотов неизменно входили в тройку руководителей, наиболее часто посещавших Сталина².

¹ См.: «По агентурным данным» // Родина. 1992. № 1. С. 92–96. Д. А. Поликарпов (1905–1965) – в то время зам. начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б); Г. Ф. Александров (1908–1961) – в то время начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

² См.: Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М., 2001. С. 195–197.

Военные нужны тогда, когда идет война. Но усиление роли военных в этот период таило и немало опасностей для власти, которая установилась в России в 20-е – 30-е годы.

Советская власть была властью партийной, если под партией понимать аппарат ВКП(б). Аппарат ВКП(б) создал уникальную систему управления. Ее основой был принцип номенклатуры. Любое назначение в системе управления – государственной, промышленной, в правоохранительных органах на генеральские должности в армии – в обязательном порядке требовало согласования в партийных органах. Порядок согласования зависел от важности должности. За каждым партийным органом – от Политбюро и Секретариата до обкомов, крайкомов, горкомов и райкомов – был закреплён список должностей, назначение на которые было возможно только после согласования соответствующего партийного органа. Перечень таких должностей и был, в узком смысле этого слова, номенклатурой. В широком смысле номенклатурой было принято называть людей, назначенных на эти должности. Для номенклатурного управления свойственна жесткая централизация. Каждый начальник отвечал только перед теми, кто его назначил, и практически не зависел от тех, кто был ниже его. Выборы в СССР были фикцией, так как их результат был заранее предрешен.

Война в значительной степени деформировала эту систему. У войны свои жестокие законы. В управлении – военном, государственном, промышленно-экономическом – оказались нужны люди, добивавшиеся результатов. Военные методы были нацелены на достижение немедленных результатов, и поэтому предполагали соответствующую систему выдвижения руководящих кадров. В те годы действовал принцип целесообразности, потеснивший номенклатурные приемы выдвижения руководителей.

Для Сталина уже в конце войны стала ясна необходимость восстановления прежней системы управления в полной мере. Сохранение военных порядков подорывало основу номенклатурной (читай – советской) системы управления.

Вторая проблема, явственно обозначившаяся сразу после войны, – проблема национальная. С начала войны важнейшим фактором отпора германской агрессии стал патриотизм. Сталин призывал вспомнить о славе великих военачальников – Александра Невского и Дмитрия Донского, Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского, А. В. Суворова и М. И. Кутузова. В армию вернулись георгиевские ленты, появились гвардейские полки и дивизии, внедрялась идея славянского братства, солдатский орден Славы заставлял вспомнить о солдатском Георгиевском кресте, о традициях русской армии, сражавшейся с немцами в XVIII и в начале XX вв. Начальнику Главного политического управления Красной Армии А. С. Щербакову приписывалось выражение, что «фронтовикам Бородино теперь ближе, чем Парижская Коммуна»¹.

Однако ставка только на патриотизм имела и свои границы. Прежде всего, обращение к историческому прошлому было политически небезопасно. Историческая легитимность² большевизма была, мягко говоря, сомнительной. Революции нелегитимны по своей сути. Воссоздание прошлого создавало предпосылки для возрождения национальных идей как альтернативы коммунистическому интернационализму и самой компартии. Кто-кто, а Сталин, прекрасно знавший историю

¹ История советской политической цензуры: Документы и комментарии. М., 1997. С. 140.

² Легитимность – законность, соответствие закону.

России, в полной мере понимал политически положительные и политически опасные стороны русского патриотизма. Интерес Сталина к отечественной истории был постоянным, глубоким и очень прагматичным. Он рассматривал прошлое как прецедент и обоснование для своих действий, считая себя прямым продолжателем политики Ивана Грозного и Петра I¹. Именно он использовал ресурс русского патриотизма на начальном этапе войны, и он лучше, чем кто-либо из тогдашней власти, осознавал опасность использования «русского фактора» против партийной политики.

Свидетельством наметившегося возврата к прежним довоенным, «идеологически выверенным» оценкам стало обвинение крупнейших отечественных историков Б. Д. Грекова, Е. В. Тарле, С. В. Бахрушина и ряда других в «великодержавном шовинизме» со стороны работников аппарата ЦК ВКП(б) – Е. Н. Городецкого, П. Н. Поспелова, П. Н. Федосеева, В. М. Хвостова и ряда примкнувших к ним историков².

Опасность могли представлять и тенденции национального возрождения в республиках СССР, прежде всего, на Украине. С 1943 г. в опалу попал выдающийся украинский кинорежиссер и драматург А. П. Довженко – на этот раз за «украинский национализм». Причем инициатива критики шла от Сталина³.

По мере освобождения союзных республик возникала необходимость откорректировать национальную политику. Задачи этой политики, казалось, были взаимоисключающими. С одной стороны, – предложить населению зримые свидетельства повышения самостоятельности республик, с другой – укрепить оборонный потенциал страны, что предполагало сохранение централизации. Выход был найден.

Первая задача была решена путем повышения государственного статуса союзных республик. 27 января 1944 г. на Пленуме ЦК ВКП(б) (кстати, единственном Пленуме, который был созван в годы войны) Наркоматы обороны и иностранных дел из общесоюзных были преобразованы в союзно-республиканские. На Пленуме были одобрены проекты законов «О создании войсковых формирований союзных республик и о преобразовании в связи с этим Народного Комиссариата Обороны из общесоюзного в союзно-республиканский народный комиссариат» и «О предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних сношений и о преобразовании в связи с этим Народного Комиссариата Иностранных Дел из общесоюзного в союзно-республиканский народный комиссариат». Конституция СССР была дополнена рядом статей, в частности, статьями 18-б, согласно которой «каждая союзная республика имеет свои республиканские войсковые формирования», и 18-а: «Каждая союзная республика имеет право вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами, заключать с ними соглашения и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями»⁴.

Вторая тенденция носила долговременный характер и была связана с изменением понятия «патриотизм». Русский патриотизм все больше вытеснял в официаль-

¹ Поразительные свидетельства о самоотожествлении Сталина с Иваном Грозным см.: Черкасов Н. К. Записки советского актера. М., 1953.

² Подробнее см.: Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // Вопр. истории. 1996. № 2–7, 9.

³ См.: Бабиченко Д. Л. Писатели и цензоры. М., 1994. С. 107–108; Громов Е. С. Сталин. Власть и искусство. М., 1998. С. 326–327.

⁴ Материалы пленума ЦК ВКП(б) (1944 г.) // Ист. арх. 1992. № 1. С. 62–65. См. также: АП РФ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 191. Л. 1–6.

ной пропаганде патриотизмом советским, национально-культурные признаки патриотизма заменялись социально-политическими. Сохранение верности СССР, коммунистическим идеям должно было стать основными признаками советского патриотизма.

Такое понимание патриотизма приобретало особую актуальность и в связи с тем, что руководством нацистской Германии, в особенности, на заключительном этапе войны, стали предприниматься шаги по использованию националистических тенденций для борьбы с СССР. В концепцию нацистов входил раскол СССР и России по этническому признаку¹. Германское руководство стремилось использовать национальные противоречия в борьбе с советской властью, но крайне настойчиво относилось к попыткам воссоздать государственные образования на оккупированной территории²; после того как провалился блицкриг и война стала затягиваться, с ведома фашистского руководства в 1942 г. были созданы различные национальные комитеты: северокавказский, туркестанский, татарский, калмыцкий, карачаевский, кабардино-балкарский, азербайджанский, армянский, грузинский. Украинский комитет называл себя Центральной радой. Центральная рада была образована и в Белоруссии. В Латвии и Литве были созданы национальные отечественные советы, а в Эстонии – марионеточное правительство.

По мере усиления советского наступления и ухудшения положения нацистской Германии, гитлеровское руководство было вынуждено согласиться с предложением изменника генерала А. А. Власова о создании Русской освободительной армии. 14 ноября 1944 г. в Праге состоялось учредительное собрание политического центра «русского освободительного движения», названного Комитетом освобождения народов России.

Борьба с националистическими движениями в этих условиях приобретала для советской власти особую актуальность, приравнивалась (часто неправомерно) к борьбе с немецким фашизмом и его пособниками³.

В этих условиях советский социалистический патриотизм, не отменявший полностью патриотизм национальный, должен был стать, по мнению идеологов,

¹ См.: Раманичев Н. М. Власов и другие // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 294–295. В создании русских воинских формирований участвовали также офицеры-эмигранты, участники Гражданской войны. В число этих формирований входили Русская национальная народная армия (РННА), Русская освободительная народная армия (РОНА), казачий стан генерала Т. Н. Доманова, 1-й русский корпус, казачья группа генерала А. В. Туркула, 1-я русская национальная армия, 15-й казачий кавалерийский корпус, а также полки, бригады и дивизии СС. В них, особенно в конце войны, служило большое количество и советских граждан, в том числе офицеров.

² Примером может служить судьба группы Степана Бандеры и Организации украинских националистов (ОУН), попытавшихся в первые дни войны провозгласить независимое Украинское государство. ОУН создала правительство во главе с заместителем Бандеры Ярославом Стецко, которое, не просуществовав и недели, было арестовано. Степан Бандера был заключен в берлинскую тюрьму. В концлагерях оказались сотни и тысячи его сторонников. Их выпустили лишь в 1944 г. О судьбе С. Бандеры см.: Санников Г. Как убивали Степана Бандеру // Аргументы и факты. 2000. № 45. С. 10.

³ К концу войны получает все большее распространение депортация народов, обвиненных в сотрудничестве с гитлеровцами. Помимо советских немцев, высланных из европейской части СССР еще в 1941–1942 гг., в феврале 1944 г. в восточные районы страны было выселено 650 тыс. чеченцев, ингушей, калмыков и карачаевцев. Летом 1944 г. их участь разделили около 225 тыс. крымских татар, а также болгар, греков, армян, проживавших в Крыму. См.: Новейшая история Отечества. XX век / Под ред. А. Ф. Киселева и Э. М. Щагина. М., 1998. Т. 2. С. 207.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru